

*Тем, кто хранит верность
своим фантазиям, своим мечтам,
своим надеждам.
В темные и светлые дни.
Моим читателям.*

*«В основе этого универсума — равновесие.
Для аномалий в нем нет места.
Но что произойдет, если кто-то решит,
что лучше обратить весь мир в пепел,
чем устранить какой-то изъян?
Что, если кто-то влюбится в аномалию?»*

*Вначале было равновесие.
Свет приходил следом за тьмой.
Вечность встречалась со смертью.*

Пролог Тариэль

Мир замер. Он словно на мгновение задержал дыхание, а вместе с ним и каждое существо, которое несло в себе больше вечного, чем конечного. В этом Тариэль был уверен. Он отчетливо ощущал, как равновесие на мгновение сбилось. Он чувствовал появившийся изъян — словно в груди забилося второе сердце. Что-то внезапно изменилось. Что-то, что выходило за границы человеческого, теперь коснулось их самих, хотели они того или нет. Потому что в этом универсуме нарушения равновесия не предусмотрены. У всего должна быть противоположность.

Тариэль вцепился в светлую рубашку у себя на груди. Он стиснул зубы, скользя взглядом по раскинувшемуся внизу городу. По фонарям, мостам и красным крышам. Заходящее солнце окрашивало все оранжевым. Тени танцевали вокруг, холодный ветер обдувал лицо Тариэля. Он ждал, когда боль отступит.

Это изменение отличалось от всех прочих, которые случались за последние столетия. Подобные вещи происходили постоянно — мелкие проблемы или аномалии, отклонения, иногда случайные, иногда возникавшие

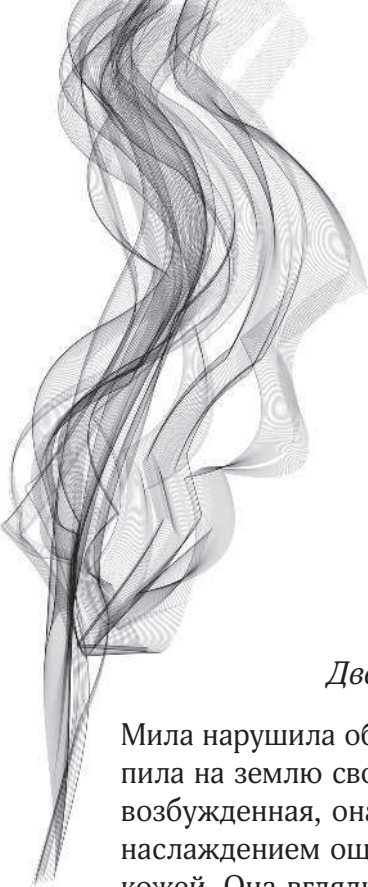
по велению судьбы. Ошибки, которые разрешаются сами собой, которые даже не заслуживают упоминания или могут быть легко устранены.

Но это... это изменение не просто поколебало равновесие, оно резко, в одно мгновение, нарушило его, начало его смещать и расшатывать.

Тариэль многословно выругался, а затем на несколько секунд закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Он несколько раз глубоко вздохнул. Он не мог поверить, что за целую вечность они не придумали решения получше.

Неожиданно у него вырвался короткий резкий смешок. Тариэль тряхнул головой и поднял подбородок, чувствуя, как боль медленно рассеивается. Под конец осталось лишь тупое, едва ощутимое биение, словно дурное предчувствие, затаившееся в самом дальнем уголке сознания. Оно окончательно исчезнет лишь тогда, когда он найдет проблему и полностью восстановит равновесие.

Это было неоспоримо и могло означать только одно: кто-то вмешался.

1

Мила

Двенадцать лет спустя

Мила нарушила обещание еще задолго до того, как ступила на землю своего родного города. Взволнованная и возбужденная, она вдыхала свежий весенний воздух, с наслаждением ощущая, как руки покрываются гусиной кожей. Она вглядывалась в туман, который растекался между зданий, по улицам, над булыжными мостовыми — вплоть до другой стороны реки. Первые лучи солнца пронизывали город, медленно пробуждая его к жизни и разгоняя тени по углам. Дома и стены словно пришли из стародавних времен. Миле казалось, что каждый камень в этом городе может рассказать историю. Будто в них таится нечто живое, пульсирующее, шепчущее ей о чем-то. Нечто, связующее тьму и свет и готовое открыть Миле многое, что могло в нем скрываться, — тайны, вопросы, ответы. Немногие места в мире могли похвастаться такой атмосферой.

У таких мест, как это, была душа.

Мила поплотнее натянула куртку, подняла воротник и снова окинула взглядом окрестности. Что-то внутри нее словно узнавало это место, будто она была связана с

ним. Но, как бы она ни старалась, воспоминания и образы не проявлялись, оставаясь скрытыми глубоко внутри. Вместо этого в голове внезапно прозвучал мамин голос. Мила проглотила комок в горле и плотно сжала губы.

«Пообещай мне, Милена, — умоляла она. — Не возвращайся!»

В ответ она кивнула и еще крепче сжала мамину руку, уже тогда понимая, что поступает неправильно. Нельзя давать обещание, если не знаешь, сможешь ли его выполнить. Но точно так же неправильно было бы позволить матери покинуть этот мир, неся на себе большое количество тревог.

К тому же Мила предчувствовала, что все это продлится недолго. Она вышла из спальни, прошла по длинному узкому коридору своей квартиры на крошечную кухню с ядовито-зелеными занавесками на окнах. Сделав себе чай, она приготовила маме стакан воды. Прихватив чай и воду, она пошла обратно, но, еще не успев войти в спальню, уже все поняла. Еще до того как Мила взглянула на безжизненное тело матери и ее прекрасное, но осунувшееся лицо, она уже почувствовала случившееся. Увидела это. Мила подошла ближе, окликнула мать, но та ушла навсегда. Она оставила после себя пустоту и множество вопросов, и это причиняло такую боль, что Мила выпустила стакан из рук — и сама упала рядом. Мама лежала неподвижно, спокойная и серая. Невыразимо серая...

Эту картину Мила никогда не забудет.

Она чувствовала себя разбитой, распавшейся на части. До сегодняшнего дня.

У нее дрожали губы, во рту пересохло, сердце колотилось. Теперь она сама узнает, правда ли то, что ей рассказывали. Правда ли, что время лечит все раны.

Вскоре после похорон Мила собрала свои вещи и навела порядок в тесной квартирке. Большую часть вещей

она продала или выбросила, все, кроме некоторого количества любимой одежды и важных памятных вещей. Вопросы с наследством были улажены, она уволилась с работы в книжном магазине и маленьком кафе и прервала обучение в школе. Аттестат подождет.

У нее больше не осталось родных — по крайней мере, среди тех, кого она знала. Настоящих друзей тоже не было. Пара знакомых, соседи. Хотя Миле всегда хотелось найти друзей, все равно ей рано или поздно приходилось признаться, что она видит. Какой груз она несет. Из-за этого друзья быстро превращались в чужих людей. Потому что Мила была слишком необычной, и они не верили ей или просто ее боялись.

Поэтому она и покинула Берлин. Она просто двинулась в путь, не переставая мысленно просить маму о прощении, и теперь Мила приехала сюда на последние деньги. В погоне за чувством, значения которого она даже не могла понять. Без конкретного плана, без будущего. Но ответы нужны были Миле как воздух. Потому что у нее было ощущение, что без них она не сможет чувствовать себя целой. Не сможет быть в полной мере собой. И, честно говоря, это было больше чем предчувствие.

Она должна избавиться от своего проклятья. Оно должно исчезнуть. Возможно, это случится именно здесь. В этом городе.

Мама никогда не говорила с ней о родине, не рассказывала о том, почему она уехала из Праги и из-за чего жила сначала в Амстердаме, потом в Лондоне, затем в Берлине. И зачем она, несмотря на это, частенько говорила с ней на чешском; и что такого случилось с ней в этом городе, раз он вызывал у нее чувство благоговения, граничившее с ужасом. И это были еще не все вопросы — лишь верхушка айсберга. Потому что Мила была уверена только в одном: ее вряд ли можно назвать обычной девочкой.